

Лауреат Каннской премии-99 в Канны не ездил

В ПОЛЕ СВОБОДЫ

Независимая
газета. - 1999 -
- 23 июля - с.

«Гитлер был прежде всего художником», — говорит Юрий Арабов

— Я бы, естественно, согласился и писал бы этот общий вид водопада. А ты бы пришел ко мне и спросил: «Юра, твой «Водопад» продолжает биографическую линию?» Я бы тогда, наверное, сказал бы точно: продолжает... Так что никакого продолжения нет. Есть некий кинематографический процесс, есть какое-то количество фильмов, которые мы сделали вместе с Сокуровым. Я — автор сценария, он — режиссер. А эта идея — идея тирании — Сокурова достаточно сильно волновала давно. Он попросил меня что-нибудь написать, сымпровизировать по поводу Гитлера и Евы Браун. Я погрузился в чтение исторических источников. Ну и накропал сценарий, который лег в основу фильма.

— А ты теперь понимаешь Гитлера?

— Я, как выяснилось, Гитлера понимал до этого. Я подобных людей наблюдал много в московской артистической богеме. А Гитлер был, конечно, прежде всего художник. Художник, если под этим понимать превалирование фантазии над реальностью и вообще неадекватность реальности. Другое дело, что на определенном этапе его неадекватность реальности явилась наилучшим воплощением мечты обывателей, мечты германского народа. Совпало.

Это было в середине тридцатых годов. А с начала сороковых вдруг его мечта стала решительно не совпадать с реальностью. Я пытался в сценарии быть документалистом, я писал диалоги Гитлера, основываясь только на исторических источниках. Его длинные рассуждения... Например: «Скоро начнется война с Италией, ее будет вести Германия...»

— «Почему? Ведь Италия — наш союзник», — спрашивают у него. «А потому что они сажуют леса», — отвечает Гитлер. «А почему мы должны воевать?» — «Леса, — сказал он, — меняют климат. Климат будет более влажным в Германии, если они посадят леса, а во влажном климате рождается совсем не тот народ, что в климате сухом. Он более хлипкий. В нем ослаблено боевое начало. Так что ничего не остается делать, как только воевать с Муссолини, как только леса подрастут». Это филиппика адекватного человека? Безусловно, неадекватного.

Или же: «Главная задача сейчас — выращивать крапиву. Бездомная Беларусь долж-

на быть засеяна крапивой». Вовсе не из-за того, чтобы Беларусь погубить. Просто кто-то ему сказал в лаборатории Мюнхена, что крапива это — стратегическое сырье. Что из крапивы, как из хлопка, можно делать все — от пороха до хлопчатобумажной одежды. И он вводит это в интеллектуальный обиход Третьего рейха. Или идея общей и частной каплевидности, которой должны соответствовать суда морские — они должны быть, как капля! Ну это же все тоже отсюда.

Если ты обернешься вокруг себя, посмотришь на наших многочисленных знакомых по артистической богеме, ты увидишь массу подобных людей. А отличаются они от Гитлера только двумя вещами: ослабленную волей для насаждения общей каплевидности и неадекватностью, которая не совпадает с ожиданием толпы, с ожиданием обывателя. Если вдруг совпадет, то в России будет совершенно идеальный Адольф Алоизович номер два. Тем более почва для этого вполне подготовлена.

— Прослеживаются в Гитлере национальные германские черты или нет?

— Гитлер был патриотом Германии, безусловно. А кроме всего прочего, в Гитлере прослеживается вот эта оторванность некая...

— Немецко-философская...

— Ну если хочешь, можно это так называть... На самом деле у него цельной философской системы не было. У него был смутный спиритуализм. И некая надмирность, оторванность от конкретных задач. Грубо говоря, немцы, как и русские, — это во многом нация полюсов. С одной стороны, рачительность в хозяйстве, с другой, — философия Канта и Гегеля. И Гитлер в какой-то степени, видимо, соответствовал этим немецким чертам — стремлению к надмирности, к окончательному решению всех вопросов, которое мы видим в философии Канта и Гегеля, в развернутых космических системах бытия. Гитлер пытался подобную систему построить социальную. И на первых порах главным фундаментом должна была быть расширенная до всей Европы Германия. Наверное, Гитлер отвечает одному из полюсов немецкого народа, а именно стремлению к окончательному решению всех мировых вопросов. То же самое и у русских наблюдает-

ся. Только у русских нет второго полюса — рачительности и практицизма. А у немцев, насколько я понимаю, между этими двумя полюсами все качается.

— А русские постоянно падают.

— Русские падают. У них что-то второй полюс пока не получается — полюс рачительности и дисциплины.

— По твоему ощущению, Гитлер — жертва?

— Ну, мы можем только гадать, что такое Гитлер... Конечно же, мое ощущение, пожалуй, неоригинально. На бытовом плане это достаточно заурядный человек. Но, безусловно, за его действиями, за его совпадениями, за его удачами, благодаря которым он стал во главе страны, даже группы стран, претендовавших на новое мировое сообщество, на фашистский мир, — вот за этим чувствуется инспирация достаточно темных сил, которые время от времени вытаскивают на поверхность какое-нибудь человеческое существо и подготавливают его к роли мирового властителя. Притом Гитлер не очень годился для этой роли. У него получалось многое, но вместе с тем, как ни странно, Гитлеру не хватало люто-сти.

Другой народ он уничтожал, а свой все-таки не трогал, за исключением военной мясорубки. Конечно, в этой мясорубке он перемолол нацию. Но Гитлер не развертывал внутри своей страны террора против немецкого народа. Система лагерей, которые были предназначены для его врагов, была чуть мягче, чем аналогичные лагеря в России.

У Гитлера был смутный спиритуализм. Этот человек имел пусть сильно искаженное, но все-таки представление о том, что жизнь не кончается куском пирога, сосиской из свинины и кружкой баварского пива. Он все-таки понимал, что в жизни есть другой план — духовный. Другое дело, что Христос для него был вовсе не Бог. О его духовном плане написано очень много книг... Он очень хаотичен и сер и даже, может быть, черен, но все-таки это духовный план. Кроме того, он допустил сильную слабость в человеческом смысле: в последние дни своей жизни он все-таки обвенчался церковным браком с Евой Браун. Так что, в общем, это был явно не подходящий персонаж для нового железного Антихриста.

(Окончание на стр. 14)

Юрий Арабов — поэт, прозаик, сценарист, заведующий кафедрой кинодраматургии ВГИКа — родился в Москве в 1954 году. Привлекал к себе внимание в 80-е годы как поэт, в 90-е — как метафизик (осенью 91-го года интеллигенция обеих столиц бурно обсуждала публикацию арабовской статьи в журнале «Искусство кино» — о мистической подоплеке августовского путча). Автор романа «Юные годы Данта», нескольких книг стихов. Один из основателей знаменитого полуподпольного клуба «Поэзия». Недавно в очередной раз поразил читающую публику, написав необычную книгу «Механика судеб», сочетающую в себе метафизику и логику, реальность и инфернальность. До недавнего времени определенный круг читателей был у поэта Арабова, свой круг поклонников был у кинодраматурга, несомненно, был свой круг и у метафизика Арабова. Причем зачастую поклонники одной стороны творческой личности Арабова могли не подозревать о другой. С получением премии Каннского фестиваля-99 за сценарий фильма «Молох» (режиссер Александр Сокуров) поэт, метафизик, прозаик и кинодраматург разорвал границы кружков и предстал пред современниками человеком почти ренессансным.

Переводился на английский, французский, немецкий, польский и другие языки. Написал более 15 сценариев игровых фильмов, соавтор всех игровых фильмов А. Сокурова, по его сценариям работал также О. Тепцов (фильм «Господин оформитель»), А. Добровольский («Сфинкс», «Присутствие») и другие. Неоднократный лауреат премии кинокритиков ФИПРЕССИ.

Петр Капкин

ЮРИЙ, сценарий «Молоха» — это продолжение биографических хроник из «Механики судеб»?

— Да нет, это не продолжение биографических хроник. может быть, работа над «Механикой судеб» помогла мне при написании сценария «Молоха»...

— Я имел в виду высказывание Скотта Фицджеральда о том, что каждый писатель всю жизнь пишет одну книгу.

— В кино о какой-то одной книге в приложении к труду сценариста говорить не приходится, потому что в кино тематически все определяет режиссер. И поэтому, если, скажем, режиссер хотел бы снять картину «Общий вид Ниагарского водопада с высоты птичьего полета»...

— Ты бы согласился?